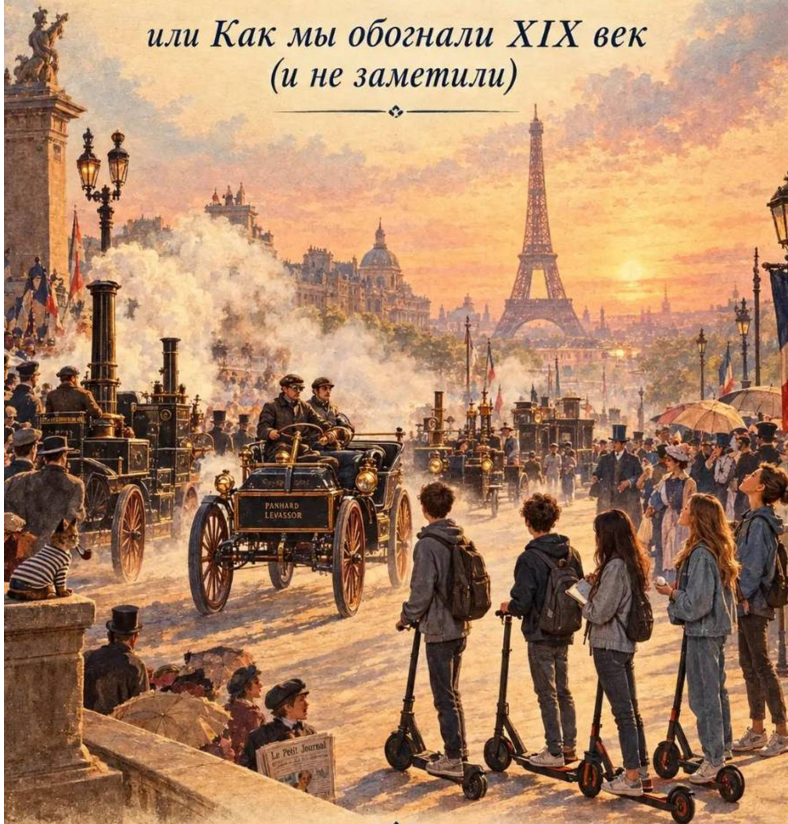

БЕЗУМНЫЕ КИЛОМЕТРЫ

*или Как мы обогнали XIX век
(и не заметили)*

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Безумные километры

<https://litres.ru/74519653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новелла-перекус о том, как прогресс не измеряется километрами. Только любопытством.

Содержание

Глава 1. Макс впервые просит	5
Глава 2. Париж, 11 июня 1895	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Диковинный

Безумные километры

Глава 1. Макс впервые просит

Началось это в четверг.

Я помню, потому что у нас была биология, а после биологии Макс обычно молчит до самого дома. У него не то чтобы биология не шла — она у него шла отлично, — просто он всегда после этого урока был какой-то задумчивый. Ходил, смотрел в окно, что-то считал в голове.

А тут — не так.

Тут он шёл и говорил.

И это был первый звоночек.

— Ребят, — сказал он.

Мы шли через парк нашей дворовой компанией. Кто на электросамокате, кто пешком, как я. Соня сидела на лавочке и доедала бутерброд. Лёха гонялся за голубем. Егор снимал облака на телефон. Алиса просто шла и смотрела вверх, как всегда.

— Ребят, — повторил Макс.

— Чего? — спросил Лёха, не отрываясь от голубя.

— Я тут подумал.

Пауза.

— Опасно, — сказала Соня.

— Правда опасно, — согласился Егор, не отрывая камеры от неба. — Помнишь, что было в прошлый раз, когда Макс подумал? Мы будильник еле отмыли.

— Я промолчу, — сказал я.

Макс посмотрел на нас.

— Слушайте, — сказал он. — Я хочу вас кое о чём попросить.

Вот тут мы все остановились.

Потому что Макс — я уже говорил — никогда ничего не просил. Ни штанг, ни чипсов, ни места в кино, ни билетов. Он ходил с нами везде, куда ходили все, и никогда не говорил «а можно мы пойдём туда». Он был как тот самый шлем в шлюзе: стоит на полке, аккуратно, ждёт, когда понадобится. И вот он впервые попросил.

Лёха отпустил голубя.

Егор опустил телефон.

Алиса посмотрела на Макса. Внимательно. По-настоящему.

— Говори, — сказала Соня.

Что сказал Макс

Он рассказал быстро. Как будто боялся, что если растянет, то кто-нибудь засмеётся.

— Есть одно соревнование, — сказал он. — Только оно не наше. Оно старое. Очень старое. С 11 по 13 июня 1895 года во Франции прошли первые в истории автогонки. Понимаете? Первые. Вообще. Никогда до этого люди не гонялись на машинах. Не было такого слова — «гонки». Не было такого понятия. И вот собрались.

Он говорил, а голос у него делался быстрее. Так бывает, когда человек долго думал об одном, а потом наконец начал говорить вслух.

— Заявки подали хозяева сорока шести самодвижущихся экипажей. Это так называлось. Не «машины» — экипажи. Самодвижущиеся. Понимаете, какое слово? Как будто они живые. Двадцать девять — на бензине. Пятнадцать — на паровиках. Двое — на электричестве. Представляете? Электрические машины в 1895 году. До них никому не было дела. Все смеялись над ними.

— Как всегда, — сказала Соня.

— Да, — кивнул Макс. — Как всегда.

Он помолчал.

— А маршрут был — Париж — Бордо — Париж. Тысяча сто семьдесят восемь километров. Это сейчас смешно, да? Сел в машину, четыре часа — и ты в Бордо. А тогда это было невозможно. Это было как полет на Марс. Люди не верили, что машина вообще может ехать так долго. Что она не развалится. Что колёса выдержат. Что человек за рулём не сойдёт с ума.

Он посмотрел на нас.

— А победил Эмиль Левассор. Совладелец механического завода. Он создал свою марку — «Панар-Левассор». Двухместная, четырёхсильный двигатель. Одиннадцать километров в час в среднем. Представляете? Он проехал почти тысячу двести километров за сорок восемь часов и сорок семь минут. И когда приехал, сказал: «Это было безумие! Я делал до тридцати километров в час!»

Макс замолчал.

— И я хочу туда, — сказал он тихо. — Посмотреть. Просто посмотреть. Как это было.

Пауза.

Что сказали все

Лёха первым.

— Так, погоди, — сказал он. — Ты хочешь попасть на гонки. На самые первые гонки в истории. Во Францию. В 1895 год.

— Да, — сказал Макс.

— И ты никогда ничего не просил.

— Да, — сказал Макс.

Лёха посмотрел на него.

А потом сказал:

— Я в деле.

Тут же сказал Егор:

— Я в деле. Я хочу это записать. Всё. Каждую деталь. Ты понимаешь, что это живая история? Её же никто не видел. Её все только по фотографиям знают. А мы можем...

— Мы можем ничего, — перебила Соня. — Мы можем посмотреть. Рядом. Не мешать.

— Конечно, — сказал Егор. — Конечно, посмотреть.

Алиса не сказала ничего. Она посмотрела на Макса. Долго. А потом сказала:

— Макс.

Он обернулся.

— Спасибо, что попросил.

Он не понял сразу. Но Соня поняла. Я видел, как она кивнула. И я понял тоже. Потому что это было не «спасибо за гонки». Это было «спасибо, что ты наконец с нами не только потому, что мы позвали».

Макс ничего не сказал.

Он просто достал из рюкзака будильник.

Он всегда носил его с собой. С тех самых пор. С той самой поездки. Мы все это знали, но никогда не спрашивали. Просто — носил. Как талисман. Как память. Как то, что помнит больше, чем должен.

Он поставил его на лавочку.

И мы все смотрели.

Будильник был старый. Металлический. С двумя звонками. С трещинкой на стекле. С виду — обычный. С виду — тот, что стоит у бабушки на полке между вазочками.

Он тикал.

Тихо.

Но не так, как тикают часы.

Он тикал — как тикает время перед тем, как сделать шаг.

Кот

— На электросамокатах, что ли, поедете? — спросил голос откуда-то сбоку.

Мы обернулись.

На скамейке, в двух метрах от нас, сидел кот.

В тельняшке.

С трубкой.

Он не смотрел на нас. Он смотрел на будильник.

Мы молчали. Мы давно привыкли. Мы давно не переспрашивали: «Какой кот? Откуда кот? Почему кот?» Кот — и кот. Как дождь. Как лето. Как что-то, что бывает.

— Ты знал, что это первые гонки? — спросил я.

— Я их видел, — сказал кот.

— Как — видел?

— Видел, — сказал кот. — Я стою там, где стоят те, кто стоит. Я стоял у финиша. В Бордо. И у Парижа стоял. И между. Я помню, как пахло. Бензином, гарью, потом и надеждой.

Он затанулся.

— Левассор был хороший человек, — сказал он. — Он не был быстрый. Он был упрямый. А это лучше.

Он встал.

Он подошёл к будильнику. Поставил на него лапу. Как будто хотел убедиться, что тот настоящий.

— Значит, так, — сказал он. — Идём. В Париж. Одиннадцатое июня. Одиннадцать часов утра.

— По парижскому времени? — уточнил Егор.

Кот посмотрел на него.

— По тому, — сказал он.

Будильник щёлкнул.

Парк стал синим.

П.С. от автора

Одиннадцатое июня 1895 года. Одиннадцать утра. Париж.

Пятеро подростков на электросамокатах стоят посреди улицы. Вокруг — конные экипажи, дамы в платьях, господа в котелках, мальчишки-газетчики, лошади, навоз, солнце, пыль.

И где-то за поворотом — сорок шесть самодвижущихся экипажей. Первых в истории.

А рядом с ними — кот в тельняшке. С трубкой. Он знает дорогу.

Глава 2. Париж, 11 июня 1895

Первое, что мы почувствовали, — запах.

Не подумайте, что это была какая-то романтика. Это был

самый настоящий, живой запах. Пахло лошадьми. Пахло навозом. Пахло бензином — резким, непривычным, чужим, как запах больницы, но веселее. Пахло кожей седел, потом извозчиков, дымом из труб, свежим хлебом из открытой булочной на углу, чьими-то духами, чьим-то табаком, чьей-то жизнью.

И под всем этим — пахло летом.

Настоящим парижским летом. Мы видели его на картинах, но картины не пахнут.

Мы стояли на широкой улице. Пятеро подростков на электросамокатах. В своей обычной одежде — кроссовки, джинсы, футболки. В руках у меня был рюкзак. У Егора — блокнот. У Сони — ничего, только кулак, сжатый, как всегда. У Макса — будильник.

Вокруг ехали экипажи.

Настоящие. Конные. С большими деревянными колёсами, обитыми железом, с кучерами в цилиндрах, с дамами, которые держали над собой кружевные зонтики. Лошади фыркали, отряхивались, шли. Из-под копыт — мостовая, из мостовой — булыжники, из-под булыжников — искры от подков.

Всё это было настоящее.

Всё это было 1895.

И тут из-за угла выехал первый самодвижущийся экипаж.

Что мы увидели

Он выглядел как карета.

Без лошади.

Просто — карета. Большая, деревянная, с крышей и с фонарями. Но — без лошади. Впереди у неё было что-то похожее на маленькую трубу. Из трубы шёл дым. Колёса крутились. Внутри сидел человек.

Он ехал.

Медленно. Важно. Как будто сам не верил.

Мы встали.

Лёха открыл рот.

Егор уже снимал.

— Это оно, — сказал Макс тихо. — Это они. Самодвижущиеся.

Экипаж проехал мимо нас.

Мы смотрели ему вслед.

За ним ехал второй. Потом — третий. Потом — целая вереница. Они шли по улице друг за другом. Разные. Кто-то — как маленькая лодка на колёсах. Кто-то — как рояль. Кто-то — просто как коробка с сиденьем. Дым, пар, грохот, лязг, свист, шипение. Настоящее. Не ретро — просто. Просто железо, просто дерево, просто упрямыство.

Люди на тротуарах останавливались.

Махали. Кричали. Смеялись. Кто-то — с восторгом. Кто-то — с сомнением. Один господин в котелке перекрестился. Дама в шляпе прижала к груди собачку, которая залаяла. Мальчишки-газетчики бросились вдогонку.

Мы стояли и смотрели.

И тут Соня сказала:

— Ребят.

Мы обернулись.

Она показала рукой.

На экипаже, который проезжал мимо, была надпись. Она была сделана от руки, мелом. Крупно. По-французски, но мы разобрали.

PARIS — BORDEAUX — PARIS

Мы стояли.

До нас дошло.

Это была гонка. Та самая. Она только началась. И она шла мимо нас. Прямо по этой улице. Прямо в эту минуту.

Что сказал Макс

— Пошли, — сказал он.

— Куда? — спросил Лёха.

— За ними. На старт. Надо на старт.

— Может, просто постоим? — сказала Соня. — Мы же здесь как наблюдатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.